

Записка Марии Францевой

(Продолжение.)

Начало на 3-й стр.)

Омск из учебных заведений Европейской России). О том, что именно, он был добрым наставником юного казаха Чокаиа Валиханова — сибирского друга Достоевского, будущего выдающегося ученого, путешественника, просветителя своего народа.

Но вернемся к записке. Есть в ней одна неясность: «...рада, что они теперь находятся вместе». Где вместе? В госпитале? Или раньше были в разных казармах, а теперь в одной? Одновременно это звучит и нескладно наивно. Но, впрочем, откуда знать Маше Францевой, что «вместе» — это грязная, полутемная, насквозь промерзшая и провонявшая арестантская казарма, переполненная отъявленными уголовниками.

А сколько прелестной непосредственности в этом «Федя»! Конечно же, во время свиданий — в тюрьме и на уходящей к Омску дороге — она не смела так его называть — его, взрослого мужчину, известного литератора, автора знаменитых «Бедных людей». Но здесь, в наслах написанной записке, вырвалось имя, как им она называла его мысленно, — «Федя». Кто знает, может быть, это было сердечное увлечение? Может статься и такое, мало ли что могло твориться в сердце мечтательной, романтически настроенной провинциальной девушки...

Однако дочитаем записку до конца.

«Хотела было сама приехать к вам сегодня, но никак не могу, нездоровится ужасно, простите, что и вчера не приехала — никак не могла, ужасно нашьел меня давит... Весело ли провели вчера вы день и каково ваше сегодня здоровье? Княгиня, мне пишет Катенька, часто бывают у Шармовых, играют в фанты, а князь хлопочет теперь о гуляньях, а не об отъезде, как видно, — к нашему великому несчастью.

Михайлу Александровичу прошу передать мое глубокое почтение. Если Стефан Яковле-

вич у нас, то прошу у него благословения, хоть бы он помянул об исполнении моего намерения, засвидетельствуйте ему так же мое глубокое почтение. Целую ваши ручки, остаюсь сердечно любящая Мария Францева».

В записке упоминаются два человека, имеющие отношение к каторжнику Достоевскому.

Прежде всего, это князь Петр Дмитриевич Горчаков. Он был назначен Николаем I на должность генерал-губернатора Западной Сибири в 1836 году. Дальний родственник Н. Д. Фонвизинной, будучи человеком трусоватым, он наоборот всяческими строгостями и пиндирками демонстрировал свою «объективность» к семье Фонвизинных. А Наталья Дмитриевна Фонвизина, женщина смелая и с характером тоже не давала ему спуску. По этому поводу князь однажды даже жаловался своему петербургскому начальству: «Эти барыня — Анненкова» и Фонвизина — составляют собой главный источник козней в Тобольске против губернского начальства, ныне — против меня».

Строжилась она по отношению к Достоевскому и Дурову.

Францева вспоминает об этом так:

«В начале пребывания в Омске в арестантских ротах Достоевского и Дурова им было гораздо лучше, чем впоследствии. Князь Горчаков по просьбе Натальи Дмитриевны принял в них участие и делал разные облегчения, но после размовки Натальи Дмитриевны с князем все вдруг переменялось, и вместо снисхождения началось притеснение. Прежде всего запрещено было помещать их в госпиталь, потом велено было их выселять с прочими арестантами в кандалах чистить зимой самые многолюдные улицы, одним словом, начался для них це-

лый ряд разнородных унижений».

Одним словом, за презрение и неуважение со стороны супруга государственного преступника Фонвизина веселый вельможа отыгрывался на двух бесправных, ошельмованных и беззащитных людях.

Должно быть декабристы и их окружение с нетерпением ждали конца губернаторской карьеры князя, это видно и из письма М. Францевой.

Горчаков был отстранен от должности после ревизии 1851 года. По этому поводу Фонвизина не без иронии сообщила своему духовнику в письме от 5 февраля 1851 года:

«...была у бедни и служила благодарственный молебен божьей матери. Я прежде обещалась, если уберут князя, а как теперь он уволен вчистую и ходит во фране, то и надо исполнить обет».

Его имя всплывает через четыре года, во время Крымской кампании, где он «прославился» своей военной бездарностью.

Упоминание о князе помогает нам датировать записку Францевой. Раз он был «убран» с генерал-губернаторского поста в начале 1851 года, то записка была написана в этом же году. Упоминание же о запятости Ждан-Пушкина на экзаменах помогает «сузить» этот срок: поздняя весна 1851 года.

Княгиня и Катенька, видно, — жена и дочь Горчакова.

Стефан Яковлевич — это С. Я. Знаменский, священник, друг многих видных деятелей декабристского движения, духовник Н. Д. Фонвизинной. Его сын — известный сибирский художник Михаил Знаменский в 1885 году предоставил редактору газеты «Восточное обозрение», ученому и публицисту Николаю Ядринцеву письма Фонвизинной, адресованные покойному отцу. Ядринцев бережно напечатал их, напечатал даже не в газете, а в одном из выпусков

издающегося при ней «Литературного сборника».

Письма, между прочим, замечательные! Они так и кипят живой жизнью, живыми страстями, остроумием. А какая литературная отделанность!

Есть в одном из этих писем такая подробность:

«Посылка твоя получена, «Бедные люди» отданы Ольеньке (Анненкова)»...

Как все причудливо переплетено в жизни этих людей (как, впрочем, и вообще в жизни)! Пройдет два года, и автор «Бедных людей», только что снявший с ног кандалы, обретет в гостеприимном омском доме Ольги Анненковой (тогда уже по мужу Ивановой) почти месяц отдыха и покоя. Дважды в своих письмах он восторженно отзовется об этой женщине. Вот второй из этих отзывов — в письме к ее матери — бывшей французской подданной Полине Гебель, а тогда жене государственного преступника Прасковье Егоровне Анненковой:

«Ольга Ивановна протянула мне руку, как родная сестра, и впечатление этой прекрасной, чистой души, возвышенной и благородной, останется светлым и ясным на всю мою жизнь»...

А позже петербургский адрес ее семьи окажется в его записной книжке.

Впрочем, все это будет позже. А пока юная красавица Оля Анненкова вздыхает над несчастной любовью Вареньки и Макара Девушкина — героев «Бедных людей».

Впрочем... и это будет позже. Пока же Наталья Дмитриевна Фонвизина, уже не спеша, уже успокоив сердце, еще раз перечитывает Машенькину записку...

...Вот как много подробностей за строчками этой небольшой записки, отосланной из одлого копца Тобольска в другой более 130 лет назад и подписанной «Мария Францева».

Александр ЛЕЙФЕР.

(Окончание следует).

1 РО ГБЛ. Фонвизинны, № 4, 37, лл. 14, 14 об. 15, 15 об. Публикуется впервые. Фрагмент фотоконпии вошел в экспозицию Омского литературного музея им. Ф. М. Достоевского.
2 Прасковья Егоровна Анненкова — жена декабриста Ивана Анненкова — А. Л.

Записка Марии Францевой

Архивы! Ваши читальные залы — это комнаты для свиданий, для молчаливых свиданий с людьми, давно ушедшими туда, отсюда уже ничего не ответишь, не подсказывешь, не возразишь.

Архивы и хранилища! Ваши покрытые пылью, стоящие в полумраке стеллажи неслышно вздыхают — словно им тяжело не от тяжести лежащих на них бумаг, а от незримого груза человеческих мыслей и страстей, запечатленных на этих бумагах. Мыслей и страстей, волновавших людей десятилетия, века тому назад.

Они не попусту лежат, эти тронутые желтизной, источившиеся от времени бумаги. Именно они развешивают, подсказывают, возражают за давних своих хозяев, сообщают новые подробности о делах минувших дней...

«Подробности, главное подробности», — просит Иван Карамзов Смердякова.

Как оказалось, Достоевский вложил в уста Ивана фразу, которую то и дело проносил сам. В 1906 году вдова писателя Анна Григорьевна с карандашом в руке прочитала «любительное» (25 лет со дня смерти) издание сочинений мужа. Она сделала на полях томов примечания и тем местам великих произведений, которые несут «черты его личной жизни, его привычки». Фраза про подробности — «любимое выражение Федора Михайловича, если он был чем-либо заинтересован».

Подробности... Их так мало, когда речь заходит о каторжных годах автора «Братьев Карамазовых». С каждым годом все труднее искать их, будто хранилища старых бумаг все неохотней отдают их...

1. Мечта, самая пламенная...

ТЕМ дорожке находки.

Эта сделана в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина, за тысячи километров от «городка К.», как назван Омск в «Записках из Мертвого дома», на сравнительно тихой московской улице Фрунзе. Здесь рукописный фонд библиотеки — одно из крупнейших и интереснейших в стране хранилищ. А в нем — обширная и далеко еще не до конца изученная коллекция бумаг Фонвизина, чья фамилия непременно встает рядом с фамилией каторжника Достоевского.

Найдена короткая, но совершенно прелестная записка. Эпитет, может быть, неожиданный, может быть, ему неуютно среди десятифунтовых этапных кандалов, голубых жандармских мундиров, грубых арестантских полутубков и ружей с длинными, прижатыми штыками.

Но все же записка именно прелестна. И чтобы понять ее прелесть, нужно вернуться к самому началу.

А начало было там — в надменной северной столице, 22 декабря 1849 года, на Семеновском плацу, когда после ужаса и стыда «недовершенного расстрела» была объявлена «высочайшая» конфирмация: в каторжную работу в крепостях на четыре года и потом определить рядовым.

И потянулась долгая, бесконечная, мучительная дорога на восток — сквозь сорокаградусный мороз, сквозь метель, в объезд больших городов, по развезженным еще с осени дорогам. Только на восемнадцатый день пути показались впереди башни и купола Тобольского кремля, возле которого стояла и пересыльная тюрьма. Здесь решалась судьба каждого: кого — куда, ведь велика Сибирь. Здесь должна была решиться и судьба троих вновь прибывших: куда — Достоевского, куда — Сергея Дурова, куда — Ивана Ястржембского... А пока — неопределенность, тоска, отчаяние.

И вдруг: «...участие, живейшая симпатия, почти целым счастьем наградили нас. Ссыл-

ные старого времени (т. е. не они, а жепы их) заботились о нас, как о родне. Что за чудные души, испытанные 25-летним горем и самоотвержением. Мы видели их мелко, ибо нас держали строго. Но они присылали нам пищу, одежду, утешали и ободряли нас...»

Это из письма брату Михаилу, которое Достоевский нелегально посылет сразу же после выхода из Омского острога. Известное, знаменитое письмо.

А вот письмо, тоже хорошо знакомое специалистам, оно датировано маем 1850 года. Жена декабриста Михаила Фонвизина Наталья Дмитриевна — душа всей тобольской колонии декабристов — рассказывает о январских событиях брату мужа:

«Мы уже знали, что он (С. Дуров — А. Л.) и Достоевский осуждены на каторжные работы в Омской крепости... У меня мелькнула мысль, и я тут же сообщила ее ему — я предложила ему... выдать его за родственника, которого я помню мальчиком, и таким образом быть ему сколько-нибудь полезной. Можете вообразить, с какой радостью и благодарностью принял мое предложение... Теперь во всей Сибири, особенно в Тобольске и Омске, нинто в нашем родстве с Дуровым не сомневаются. Мишель, няня, да еще одна особа, а именно Маша Францева, только в секрете, а все прочее, даже из наших, принимают родство за чистые деньги».

Вот оно и промелькнуло, это ния — Маша Францева.

Францева. Человек, судя по всему, незаурядный, но до сих пор остающийся в тени, в стороне от магистральных раскопок биографов писателя.

Это она — автор записки, найденной в Москве, на улице Фрунзе.

Но пока вернемся к письму Наталье Дмитриевне.

«Я продолжала посещать племянника, и мне уже не претывалось. — все офицеры наперевы давали свидания не только с Дуровым, но и со всеми его товарищами. Жандармский капитан предложил даже Михаилу Александровичу за реноу, при отправлении Дурова и Достоевского, иметь с ними свидание, и мы ездили. Я жандармов просила беречь дорогой господ. Мы в Омск писали и рекомендовали бедных друзей наших — как в родственники нашим, так и в товарище его многие теперь в Омске принимают участие...»

«Мы ездили...» Из текста письма можно понять, что поездка была совершена с мужем, но это не так. Провожать Достоевского и Дурова Наталья Дмитриевна ездила с Марией Францевой.

Много лет спустя журнал «Исторический вестник» печатал в нескольких номерах 1888 года обширные «Воспоминания» М. Д. Францевой. Возможно, они затерялись бы в море мемуарной литературы, не будь в них нескольких страниц об этом тайном и в общем-то небезопасном свидании. Эти страницы не раз уже цитировались: процитируем для полноты картины и мы.

«Узнав о дне их отправления, мы с Натальей Дмитриевной выехали проводить их по дороге, ведущей в Омск, а Иртыш, верст за семь от Тобольска. Мороз стоял страшный. Отправившись на своих санях пораньше, чтобы не пропустить проезжающих узников, мы заранее вышли из экипажа и нарочно с версту ушли вперед по дороге, чтобы не сделать кучера свидетелем нашего с ними прощания: тем более, что я должна была еще тайно дать жандарму письмо для передачи в Омске хорошему своему знакомому, подполковнику Ждан-Пушкину, в котором просила я принять участие в Достоевском и Дурове.

Долго нам пришлось прождать запоздалых лутников, не помню, что задержало их отъезд, и 30-градусный мороз порядочно начинал нас пробирать в открытом поле. Прислушиваясь беспрестанно и малейшему шороху и звуку, мы ходили взад и вперед, согривая ноги и мучаясь неизвестностью, чему приписать их замедление. Наконец мы услышали отдаленные звуки колокольчиков. Вскоре из-за опушки леса показалась тройка с жандармом и седоком, за ней другая, мы вышли на дорогу и, когда они поравнялись с нами, махнули жандармам остановиться, о чем уговорились с ними заранее. Из кошевых (сибирский зимний экипаж) выскочили Достоевский и Дуров. Первый был худенький, небольшого роста, не очень красивый собой молодой человек, а второй лет на десять старше товарища, с правильными чертами лица, с большими черными задумчивыми глазами, черными волосами и бордой, покрытой от мороза снегом. Одеты они были в арестантские полушубки и меховые малахайи вроде шапок с наушниками, тяжелые кандалы гремели на ногах. Мы наскоро с ними простились, боясь, чтобы кто-нибудь из проезжающих не застал нас с ними, и успели только им сказать, чтоб они не теряли бодрости духа, что о них и там будут заботиться добрые люди. Я отдала приготовленное письмо и Пушкину жандарму, которое он аккуратно и доставил ему в Омске.

Они снова уселись в свои кошевые, ямщик ударил по лошадам, и тройки помчали их в непроглядную даль горькой их участи. Когда замер последний звук колокольчиков, мы, отыскав наши сани, возвратились чуть не ошоченные от холода домой».

Это мемуары, текст, написанный почти четыре десятилетия спустя после описываемых событий, когда перекипели страсти, когда многое уже устоялось, сгладились, когда что-то уже забылось (Дуров, например, был всего на пять лет старше Достоевского).

Но вот записка, посланная Машей Францевой во время ее нездоровья Фонвизинной и обнаруженная автором этого очерка в 1981 году. В ней все живо, все искренне, молодо и непосредственно.

Записка не датирована, но приблизительно мы можем ус-

тановить время ее написания.

Этот вдвое сложенный и со всех четырех сторон исписанный горопливым, но разборчивым почерком листок много лет лежал в тонкой пачке писем, которые в разные годы и по разным поводам посылала Францева Наталья Дмитриевне.

«Только что получила письмо из Омска и спешу вас уведомить, любезная и дорогая моя Наталья Дмитриевна, о получении наших писем Пушкиным: прилагаю вам его записочку. Катенька мне пишет, что он ужасно занят теперь знаменами. Я очень рада, что хотя наша опасная корреспонденция дошла благополучно и, может быть, теперь уже находится в руках наших страдальцев. Я сегодня видела во сне, что мы получили от них ответ: бог знает, может быть, они и пишут сегодня ответ! Очень рада, что они теперь находятся вместе, и если письмо у них, то и Федя утешен мыслью, что и он-таки не забывает. Ах, мой господи, доживу ли я до того вожделенного дня и часа, когда увижу их. Одно мое теперь желание и одна моя теперь мечта самая пламенная: увидеть и дойти к ним с радостною вестью о их друзьях. Боже мой, неужели неугодно будет тебе исполнить мою просьбу и прошение?»

Какой порыв, какая неподдельность чувств! Какая, должно быть, открытая и чуткая к страданиям других душа была у автора этой записки...

Дошли, переданы, кому надо, тайные письма. Это радость и облегчение одновременно, теперь они никому не принесут вреда, попал в чужие недобрые руки. Иван Викентьевич Ждан-Пушкин, инспектор классов Омского кадетского корпуса, — человек глубоко порядочный, справедливый и не трус. Он пользуется в Омске влиянием и делает все, что в его силах. Позже он познакомится с Достоевским, и они будут переписываться.

В июле 1857 года Достоевский, например, напишет Ждан-Пушкину письмо — уже из Семипалатинска — с просьбой взять под покровительство своего ласынка — Пашу Исаева, который был определен учиться в корпус. Письмо это начинается так: «Когда-то Вы обратили внимание на жалкую судьбу двух несчастных — меня и Дурова, и приняли нас в Вашем доме. Я всегда слышал о Вас, что научило меня искренне уважать Вас, доброта же Ваша к нам научила меня и любить вас...».

Именно через Ждан-Пушкина осуществлялась опасная связь между Тобольском и Омском. «Мы имели о них, — вспоминает Францева, подразумевая Достоевского и Дурова, — постоянные сведения от Пушкина, он, как инспектор кадетского корпуса, писал ко мне о них под видом известий будто бы о родственниках-кадетах».

О Ждан-Пушкине можно говорить много. О том, что он, став инспектором классов корпуса, привлек к службе в нем ряд преподавателей, имеющих передовые для своего времени взгляды, — подлинных поборников науки, настоящих воспитателей (были среди них и сепаратисты) — читай «омские» — за свои убеждения и

Документы Тобольского архива свидания их имени уездного офицера Тобольского канцелярии Феликса Ждан-Пушкина и вдовой тетки Ждан-Пушкина Ивана Карамзова.

Записка Марии Францевой

2. Своя среди декабристов

МАРИЯ Францева. Что мы знаем о ней на сегодняшний день? Немного, ибо источник в основном один — ее собственные воспоминания, а в них о самой себе мемуаристка говорит лишь вскользь. Нам не известен год рождения отна Францевой. Известно лишь, что в Тобольске он служил губернским прокурором и звал его Дмитрием Ивановичем Зато опубликовано письмо друга Пушкина — П. П. Пущина к А. П. Баратынскому от 13 марта 1841 года, где говорится об отношении к этому человеку со стороны декабристов:

«Мы его приняли как верного свою нина, испытанного в усердии и ревности».

Известны даты жизни (1811 — 1881 гг.) жены прокурора — Екатерины Васильевны.

Итак, перелистаем мемуары Марии Дмитриевны Францевой. Попробуем из их текста «выжать» факты ее биографии.

Прежде всего, следует подчеркнуть, что к писанию своих мемуаров Мария Дмитриевна обращалась трижды. Наиболее известна вторая публикация — та, из которой мы уже цитировали описание тайного свидания за Иртышом в январе 1850 года. Почему нам более известна именно эта публикация, понятно: в ней есть странички о Достоевском. Но существуют еще две: первая — «Михаил Александрович Фонвизин» — в «Русской старине» 1885 года, а также третья — «Воспоминания о декабристах» (из бумаж М. Д. Францевой) — в «Историческом вестнике» 1917 года.

То есть в течение тридцати с лишним лет Францева настойчиво стремилась к тому, чтобы факты и события, известные ей лучше, чем кому-либо, не ушли вместе с ней в небытие. Она не могла этого допустить, ибо факты эти касались людей выдающихся, редких, неповторимых — декабристов, Достоевского. Уже одна эта настоятельность, одно это сознание историзма пережитого много лет назад не могут не вызвать нашего уважения, нашей благодарности, наконец. Тут есть и личный момент: мемуары Францевой посвящены в основном супругам Фонвизинным — людям, обоим и любовь к которым она пронесла через всю свою долгую жизнь. Но лишь теплоту и обаяние приносят данное обстоятельство в историю этих мемуаров.

Впрочем, достаточно ясно и емко сказала об этом сама мемуаристка:

«Молодые годы моей жизни, проведенные в Сибири, остаются навсегда неизгладимыми

в моей памяти. Они полны воспоминаниями самыми светлыми от сближения с детства моего с людьми не только даровитыми и развитыми умственно, но и глубоко понимающими высшую цель жизни человека на земле».

Прекрасные, прочувствованные слова!

Хочется отметить саму форму исполнения воспоминаний. Она изящна, ясна и легка, даже устаревшие обороты не затрудняют чтения. И, может быть, это своего рода гений, но стиль воспоминаний чем-то напоминает... стиль писем Фонвизинной к Стефану Знаменскому, о которых уже шла речь выше. Уж не после ли их прочтения решила взяться за перо Францева, не они ли подтолкнули ее к этому? Год обеих публикаций совпадает — 1885. Впрочем, как бы там ни было Мария Дмитриевна, несомненно, обладала литературными способностями.

Но давайте раскроем публикацию 1885 года, посвященную М. А. Фонвизину. Из нее можно попытаться определить (хотя бы приблизительно) год рождения Марии Дмитриевны.

«Меня он любил с детства, — пишет она. — Знакомство родителей моих с ними, перешедшее потом в дружеские отношения, началось в Енисейске, мне тогда было лет пять-шесть. Отец мой, приехавший из России на службу в Сибирь, переведен был в Енисейск в то время, когда Фонвизинны были еще там, потом некоторое время мы прожили вместе с ними в Красноярске, а окончательно уж не расставались лет шестнадцать в Тобольске, где служил последнее время мой отец, так что все детство и вся юность моя прошла под неким влиянием этого человека».

Совпадение, между прочим, поразительное! Места службы прокурора Францева и места поселения государственного преступника Михаила Фонвизина один и те же. У Францева — Енисейск, Красноярск, Тобольск и у Фонвизина после каторги на Чернышевских рудниках с 1833 года — Енисейск, с 1835-го — Красноярск, с 1838 — Тобольск. Не захочешь, да подумаешь: а простое ли это совпадение, нет ли тут чего большего?

Хотя не будем гадать, а сделаем то, что собирались, — определим год рождения Марии Францевой

Если она пишет, что в Енисейске, когда родители познакомились с Фонвизинными, ей было лет пять-шесть, а енисейский период Фонвизинных начался в 1833 году и закончился в 1835-м, то, следовательно, родилась будущая мемуаристка примерно в 1828—1829 году.

Теперь раскроем вторую мемуарную публикацию М. Д. Францевой — ее «Воспоминания» 1888 года. Здесь тоже есть несколько интересных подробностей, относящихся к ее биографии.

Оказывается, ее мать вышла замуж в 13 лет, и детей в семье прокурора было ни много ни мало — двадцать человек! Здесь же автор воспомина-

ний признается: «...на меня, как на девочку с пылким воображением и восприимчивой натурой, Надежда Дмитриевна имела громадное нравственное влияние».

Еще одна интересная подробность — о взаимоотношениях с Ольгой Анненковой: с ней Францева «в продолжении всех 16 лет, проведенных вместе в Тобольске, была очень дружна».

М. Францева навсегда покинула Сибирь в 1853 году. Произошло это при весьма драматических обстоятельствах.

В начале этого года М. А. Фонвизин добился разрешения вернуться домой — в свое подмосковное имение Марьино — там умер его любимый брат Иван. Разрешение было получено, но в живых Фонвизин брата уже не застал. Узнав об этом, срочно собиравшаяся к мужу в Марьино и Наталья Дмитриевна. Во время этих сборов решила судьба Марии Францевой:

«Зная любящее сердце муна, она (т. е. Н. Д. Фонвизина — А. Л.) сознавала, как тяжело ему теперь быть на родине без тех, кого он привык любить с детства, почему и решила просить моего отца отпустить меня с нею хотя на год в Россию для утешения убитого горем Михаила Александровича».

Надо сказать, что потеря брата, последнего близкого человека, была огромным горем для Михаила Александровича, ведь пока они были в Сибири, дома один за другим умерли двое сыновей.

«Как ни тяжело было отцу расставаться со мной, потому что он меня сильно любил, — продолжает Францева, — но его благородное сердце не знало отказа в жертве, когда дело касалось пользы другого. Отец тоже знал хорошо, что Михаил Александрович с моего детства любил меня так горячо, как родную дочь, и ничем больше не мог доказать ему свою дружбу в минуту такого тяжкого горя, как пожертвовать разлукою со мной».

Разлука оказалась навеки: четыре месяца спустя после отъезда дочери прокурор Францев умер в Тобольске.

Умер на руках у приехавшей в Марьино Марии Дмитриевны и Михаил Александрович Фонвизин — генерал-майор, герой войны с Наполеоном, член Союза Благоденствия и Северного общества, незаурядный мыслитель, теоретик декабризма. Умер, прожив под родной крышей свободным всего одиннадцать месяцев.

Вскоре в Марьино прибыла с детьми Екатерина Васильевна Францева. После смерти прокурора семья лишилась средств к существованию, и энергичная Мария Дмитриевна принялась хлопотать об устройстве братьев. Приехав по связанным с этим делам в Петербург, она разыскала там подругу — Ольгу Анненкову (Иванову) — та с мужем жила уже в столице. Это последняя подробность, которую мы узнаем о Марии Дмитриевне из ее мемуаров.

Хотя нет, все-таки не пос-

ледняя, а предпоследняя. Но о ней позже, в самом конце.

Пока же вернемся на улицу Фрунзе — в уютный зал рукописного отдела Ленинки. В хранилище отдела есть коллекция писем, адресованных декабристу Петру Свистунову — члену петербургской ячейки Южного общества. На поселении он жил в Кургане и Тобольске, после амнистии 1856 года — в Калуге. Так вот, на письме от 7 декабря 1858 года есть приписка другой рукой:

«В одном из писем (в письме от 2-го июля 1860 г.) упоминается о Марии Дмитриевне — это Францева, друг в Калуге декабристов, она так любила свою племянницу, что, когда та, молоденькая девушка, пошла в монастырь, то и Мария Дмитриевна пошла, и потом обе постриглись в... монастыре. Жила долго».

Эта коллекция попала в библиотеку уже в советское время, в 20-е годы. Передала ее Елизавета Николаевна Головицкая, дворянская племянница П. П. Свистунова. А передавая, составила нечто вроде пояснительной записки — «Заметку о письмах, адресованных к Свистунову Петру Николаевичу». В «Заметке» этой тоже несколько строк посвящено Францевой. И хотя они не несут в себе много новой информации, но сам факт их существования говорит о многом — Францева была действительно своей среди людей 25-го года.

«Это та Мария Дмитриевна, о которой в своем письме к Петру Николаевичу упоминает Матвей Муравьев-Апостол. Она была другом многих декабристов и семьи Свистуновых. Потом на старости она постриглась... в монахини вместе с молодой племянницей, которую так любила, что не хотела ее одну оставить в монастыре...»

Пока молчат архивы и хранилища, пока ничего больше не сообщают о жизни этой, несомненно, незаурядной женщины.

А вот и последняя (действительно последняя) подробность. Она — в мемуарной публикации Францевой, появившейся в 1917 году. Сама по себе эта публикация для нашей темы особого интереса не представляет. Интересно редакционное примечание к ней, вот оно:

«Воспоминания М. Д. Францевой о жизни декабристов в Сибири, преимущественно четы Михаил Александровича и Натальи Дмитриевны Фонвизинных, печаталась в «Историческом вестнике» 1888 года и в то время обратили на себя внимание своею искренностью и правдивостью. В виде дополнения и ним ныне заметки о декабристах, сохранившиеся в бумагах М. Д. Францевой и сообщенные ею редакции «Исторического вестника».

«Сообщенные ею». Значит, жила была Мария Дмитриевна (помните — «жила долго?»). А это был третий номер журнала. На дворе стоял март 1917 года. В России уже не существовало царизма.

Марии Дмитриевны Францевой было почти девяносто лет... Александр ЛЕЙФЕР.